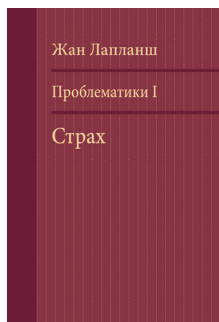

ТЕМА СТРАХА В ИЗДАНИЯХ ERGO

Жан Лапланш

ПРОБЛЕМАТИКИ I. СТРАХ

ISBN 978-5-98904-192-3
60×90 1/16
XIV, 386 с., обложка

Федор Досужков
ПСИХОАНАЛИЗ ФОБИЙ
Избранные труды

ISBN 978-5-98904-092-6
84×108 1/32
132 с., обложка

Ex ERGO LIBRIS

Иан Паркер «ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЗАПАДНОМ ОБЩЕСТВЕ»: ЦИТАТА...

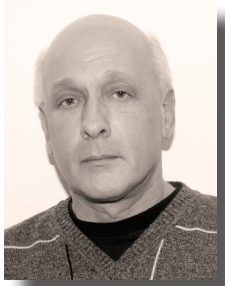
«СТРАХ. Когда к человеку обращаются за помощью деньгами на улице или со страниц в газете, это создает напряжение между жертвователем и просителем. Страх мобилизуется в жертвователе, поскольку реклама обращается к нему как к субъекту определенного вида и требует узнавания и реакции. По ходу появления работ Фрейда понятие страха в них изменяется из результата накопления сексуального напряжения, которое не было эффективным образом переработано (Freud, 1895a), в «сигнал», который функционирует как символ опасности, чтобы Я могло защитить себя от внутренней или внешней угрозы (Freud, 1926). Именно это второе значение страха обнаруживается в концепции Винникотта, он объединяет повседневные значения страха как чувства беспокойства с пониманием того, что чувствует ребенок, если мать проявляет агрессию, и тогда страх становится сигналом надвигающегося уничтожения (Winnicott, 1953).

Как только мы начинаем читать рекламное объявление Фонда короля Георга, нас сразу предупреждают, что «катастрофа в море», показанная на картинке, не есть что-то, от чего мы можем отстраниться. Мы видим колеблемый волнами корабль, но нам говорят, что «вещи похуже», чем это, случаются на берегу, там где мы. Нас вовлекают в сцену надвигающейся катастрофы, когда каждой опасности в открытом море соответствуют куда более ужасные события вокруг нас, а проблемы прошлого из двух «мировых войн» приближаются к нам в «настоящем дне». В рекламе Института спасения на водах чувство нависшей угрозы складывается посредством текста, описывающего все возрастающую череду задач, перед лицом которых оказывается эта благотворительная организация в своей поддержке тех, кто имеет дело с «самыми отвратительными» погодными условиями, с «наихудшими проявлениями» моря и погоды, с «почти полной или кромешной» темнотой и «температурами ниже нуля», и нам говорят, что институт столкнулся с задачей «просто огромных размеров», необходимость разрешения которой «никогда ранее не была настолько великой».

Также можно отметить, что в рекламах Института спасения на водах и Фонда по охране умственного здоровья мы находимся лицом к лицу с теми, кто нуждается в помощи, взирающими на нас. В рекламном блоке Института спасения на водах показан ребенок, попавший в кораблекрушение, вопрошающий о помощи, а член экипажа спасательной лодки держит его так, словно вот-вот собирается передать его нам. Младенец в рекламе фонда по охране умственного здоровья взирает на нас скорее с выражением любопытства, но текст выставляет это таким образом, как будто мы прочитываем предупреждение в их сообщении. Здесь все мы на борту одного судна. Этот младенец подвергается «большому риску» заболевания «умственным расстройством», и «каждый четвертый взрослый в этой стране» будет таким недугом поражен. Это случится в свое время, и, таким образом, реклама обращается вовне и включает читателя в число тех, кто окажется одним из четырех и подвергнется такому риску, что выражается тем более явно, когда вас приглашают выслать деньги на буклет ради благополучия будущего «вашей» семьи. Механизм надвигающейся катастрофы и рекламы как сигнала страха, таким образом, реализуется в каждом из трех этих текстов.

Гронемайер (Gronemeyer, 1992. P. 54) отмечает, что помощь в современном мире «гораздо более вероятно направляется тщательным расчетом собственной выгоды, чем подлинной озабоченностью нуждами другого человека». Важнейшей задачей людей, размещающих рекламу на тему благотворительности, является, тем не менее, задача пробиться через этот расчет и убедить, что даже искренняя озабоченность не дает основания зрителям полагать, что они достаточно гарантированы от того, чтобы не нуждаться давать. Чувство того, что нечто может пойти крайне неправильно, мобилизует зрителей защищать себя, но уловка рекламы заключается в том, чтобы побудить зрителей защитить и других. Дети представляют собой особенно действенный символ беспомощности в рекламе благотворительности, и они также служат напоминанием беспомощности всех тех в странах «третьего мира», кто получает благотворительную помощь (Burman, 1995)».

Д.С. Рождественский
ЧАС МЕЖДУ НАРЦИССОМ И ЭДИПОМ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ — к. психол. н., зав. кафедрой истории психоанализа ВЕИП, г. Санкт-Петербург

ISBN 978-5-98904-242-5
84x108 1/32
336 с.

■ **ЗАКАЗ КНИГ**

Заказ на приобретение книг «ERGO» направляйте на email: market@ergo-izhevsk.ru

Глава 7

ОТ НАРЦИССА К ЭДИПУ

Вероятно, у читателя уже складывается ощущение, о котором я предупреждал его в предисловии: книга эта — странная, сумбурная, эклектичная, если можно так выразиться. Например, какова, казалось бы, связь между приложением психоанализа к масштабным проблемам культуры и общества, о коем шла речь в главе, посвященной «Тотему и табу», и к такому частному аспекту психической деятельности, как расщепление? Мне тем не менее кажется, что определенная логическая линия здесь выстраивается и состоит она вот в чем. В предыдущих главах я попытался показать, что психоанализ возник как продукт страха перед обнажившимся в конце XIX столетия миром бессознательного. Я пробовал на примере работы «Тотем и табу» представить его как новую мифологию, созданную в попытках с этим страхом совладать, объяснить необъяснимое; я пробовал затем понять истоки заблуждений создателя психоанализа, обусловивших его методологию и технику, и продемонстрировать их весьма далеко идущие следствия. Теперь я намерен постепенно обрисовать картину альтернативного взгляда на проблематику субъекта, как она видится мне, и основанного на этом взгляде подхода — подхода, призванного осуществить путь от Нарцисса к Эдипу, т. е. в конечном счете превратить функциональные идентичности участников диалога в зрелые человеческие. Его можно назвать субъект-ориентированным — по аналогии с предложенным Виктором фон Вайцзеккером «субъект-ориентированным направлением» в медицине. Еще раз подчеркну, что сам я рассматриваю данный подход как психоаналитический, а не противопоставляемый психоанализу, хотя и понимаю, что стороннему наблюдателю он мог бы показаться

От Нарцисса к Эдипу

таким: именно поэтому во избежание недоразумений мною было создано для него определение *психоанализ модерн*.

Для большей последовательности изложения начну эту главу с уже затрагивавшейся мной выше проблемы диагноза — того, с постановки чего, как правило, начинается любой лечебный процесс. Вспомним еще раз о понятии «пограничной личности», «пограничной структуры» — одном из наиболее важных в психоаналитической диагностике, порою прямо определяющем алгоритм терапии, — чтобы иметь под рукой примерную иллюстрацию к тому, о чем пойдет речь. И вспомним дважды процитированный в предыдущих главах тезис исследователей «интерсубъективной» направленности: *то, что принято называть пограничной структурой, есть симптом трудностей, испытываемых аналитиком в понимании пациента, и вытекающих дефектов терапевтической коммуникации*.

Я упоминал ранее о довольно давно сложившемся у меня специфическом отношении к диагнозу, связанном с моим отношением к теории: с некоторых пор я стал ощущать, что диагностические определения скорее скрывают от меня личность в ее наиболее значимых аспектах, чем проясняют что-то в ней. Диагноз обезличивает: недаром в России родилась поговорка «ты перестаешь быть человеком, попадая в армию, в больницу или в тюрьму». К сожалению, многие специалисты в наши дни делают главную ставку в своей работе на скрупулезную диагностику, вероятно, видя в ней панацею от возможных неудач. Как уже говорилось, научное определение помогает по крайней мере справиться с тревогой. Я помню женщину-терапевта, которая обратилась ко мне за супервизией случая. Она начала рассказ так: «Моя пациентка — особа тридцати двух лет, пограничная, но, пожалуй, ближе к невротическим, чем к психотикам; тип личности скорее всего депрессивный, жалуется на конфликтные отношения с ребенком и мужем, на страх одиночества и на непонятные телесные симптомы в области сердца». Далее последовало изложение основных событий детства и более поздних жизненных этапов. Я остановил коллегу и спросил: «Минутку, а что она вообще за человек?» Ответом был крайне недоуменный взгляд: «Я же сказала: она пограничная личность, вероятно, депрессивного типа». Повидимому, этим определением собеседница для нее исчерпыва-